

Николай Спасский

РОССИЙСКИЙ ВЕК

(НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕСТЕ РОССИИ В МИРЕ)

В последнее время довольно много приходится летать. А когда летишь куда-нибудь далеко, например, в Бангладеш, или сидишь в бизнес-салоне какого-нибудь огромного супертехнологического аэропорта где-нибудь на другом конце света, скажем, в Дубаи, и попиваешь красненькое, ни о чем так хорошо не думается, как о месте России в современном мире. Попробую суммировать эти размышления.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ В БУДУЩЕЕ

В последние два года Россия достаточно успешно прошла через два серьезных внешних испытания.

Во-первых, это была угроза изоляции. Эта угроза стала неизбежным результатом предыдущего внешнеполитического периода – периода консолидации и возвращения России в мировую политику. Главное содержание этого периода заключалось в крахе американской концепции превращения России в зависимое и слабое государство на периферии западного мира. Кульминацией этого периода была августовская кавказская война. Вполне понятно, что США не могли не ответить на нашу вновь обретенную силу и уверенность в себе попыткой сколачивания антироссийской коалиции. Эта попытка провалилась. Население и особенно элита, привыкшие к открытости в отношениях с внешним миром, не успели почувствовать по сути ничего.

Во-вторых – угроза подрыва государственных финансов. Здесь тоже все обошлось. Резкое падение цен на энергоносители не превратилось в их долгосрочный обвал. Государственные интервенции позволили избежать массовой безработицы и социальных беспорядков.

В итоге была сохранена социальная стабильность в обществе. Государство вздохнуло спокойнее.

Более того, отрегулировался целый ряд острых внешнеполитических проблем (или вызовов), серьезно тревоживших правящий класс страны. В решающей степени эти проблемы утряслись в результате стечения обстоятельств, не зависевших от нас (например, выборы на Украине и в США), но и наши действия внесли определенный вклад в достижение требуемого результата.

Первое – устранена, по крайней мере, на ближайшую перспективу, опасность становления антироссийской Украины, входящей в НАТО.

Второе – нормализованы отношения с США. Под них подведена привычная, хотя и не очень адекватная современному времени, основа в виде диалога по сокращению стратегических вооружений.

Третье – получили второе дыхание отношения с Китаем. На этот раз на более спокойной прагматической основе, без иллюзий относительно возможностей союза и с четким взаимным пониманием лимитов такого сотрудничества.

Четвертое – благополучно завершилась партия на самой опасной из региональных досок – иранской. Мы достроили АЭС в Бушере, по-умному используя этот инструмент нашего влияния на поведение участников игры и не доведя дело до кризиса между нами и Западом на иранской почве.

Все это – у нас в позитиве.

В негативе – недостаток перспективной повестки дня на пространстве бывшего СССР и в отношениях с такими двумя крупнейшими державами, как США и Китай.

Причина – не в слабости или ошибках российской внешней политики, а в наличии серьезной системной проблемы. Решив задачи внешнеполитической консолидации и успешно пройдя через последовавшую проверку на прочность, мы пока не успели сформулировать четкое *видение* – каким мы видим место России в мире через 10–15–20 лет и какие действия нам надо предпринимать сейчас, чтобы добиться этого.

Кстати, трудности с формулированием перспективной повестки дня – это далеко не наша только проблема. Это – беда нашего времени и нашего поколения, прошедшего через шок крушения привычного мира. После такой встряски перспектива во многом теряется. Как после большой войны. Когда на место грандиозных задач, формулируемых в плоскости «жизнь или смерть», выдвигается обустройство текущей повседневной действительности. Не случайно главная недоработка, которую мудрейший Киссинджер еще в апреле прошлого года (замечу, что с тех пор ситуация сильно не изменилась) вменял в вину Обаме, заключалась в неспособности того переложить свои многочисленные широкомасштабные внешнеполитические инициативы на язык интегрированной внешнеполитической стратегии и четкого дипломатического плана. И это при том, что у Обамы, при всех его недостатках, если и есть одно важное качество, так это понимание необходимости *видения* – как для отдельно взятого человека, так и для нации. Дело в том, что это самое *видение* очень непросто сформировать.

Давайте внесем ясность.

Что называется, *внутри себя*, наверное, каждый нормальный представитель российского правящего класса знает, чего ему хотелось бы для своей страны. Чтобы Россия хотя бы частично восстановила то свое историческое пространственное протяжение, которое она утратила в 91-м году. Сразу оговорюсь – само собой разумеется – только и сугубо на демократической, законной, транспарентной основе, через свободные и абсолютно легитимные волеизъявления тех народов бывшего СССР, которые сформируют желание к воссоединению с Россией. Но у этой геополитической установки есть несколько глубинных изъянов.

Во-первых, об этом нельзя сказать вслух, потому что в реальной, до сих пор достаточно болезненной медийно-психологической обстановке вокруг этой темы любое озвучивание такой задачи неизбежно привело бы к всплеску антироссийских эмоций, чреватому реальным осложнением наших отношений с соответствующей страной.

Во-вторых, как это ни печально, но опять-таки *внутри себя* постепенно начинаешь понимать, что по прошествии почти 20 лет после развала СССР воплощение этой установки в жизнь – в какой бы то ни было форме, пусть даже в виде самой аморфной конфедерации – становится весьма и весьма сомнительным. 20 лет – это большой срок не только в жизни отдельно взятого человека, но и в существовании государственных организмов. За эти годы в большинстве стран бывшего СССР сформировались более-менее полноценно функционирующие государственные машины со всей сопутствующей

атрибутикой, а главное – сложились национальные властные элиты. И эти элиты без крайней нужды вряд ли обнаружат желание к воссоединению с бывшей метрополией.

Что тогда можно делать?

Если бы любого из нас лет 8–10 назад спросили, каким мы видим окружающий мир и место России в нем, ответ получился бы довольно простой. И был бы выдержан в категориях борьбы – борьбы за преодоление того ненормального, унижительного положения, в котором Россия оказалась в мире по итогам 90-х гг. Сейчас все намного сложнее. Деформации 90-х гг. в значительной степени выправлены.

ИТАК, КАКИМ НАМ СЕГОДНЯ ВИДИТСЯ МИР XXI ВЕКА? В ЧЕМ ЕГО ГЛАВНАЯ ИНТРИГА?

Наверное, прежде всего – в кардинальных перестановках в соотношении сил. Они уже идут, и конца-края им не видно, и, похоже, именно они будут определять *политическое лицо* начавшегося столетия. Но этим интрига не исчерпывается.

Параллельно на мировой арене появляются новые игроки – негосударственные, их становится все больше, ведут себя они все увереннее, все более на равных участвуют в отношениях между государствами.

На этом фоне происходят фундаментальные изменения в самом характере международных отношений. С исчезновением биполярности размываются привычные блоковые матрицы. Группировки государств становятся гибкими, целевыми, построенными, как сейчас модно говорить, по сетевому принципу.

Но и это далеко не все. Когда мы говорим об изменениях в соотношении сил, не забудем, что кардинально меняются и наши представления о параметрах силы, об относительном значении тех или иных *тематических* компонентов для совокупной силы государства. Причем, пожалуй, наиболее наглядным проявлением этого процесса является происходящая на наших глазах подлинная революция в военном деле. Помимо трех привычных сфер, она охватывает космос и киберпространство. Перспектива безъядерного мира, впервые обозначенная не как мечта, а как политическая задача, хотя бы и долгосрочная, как раз и свидетельствует о том, что военные истеблишменты начинают постепенно свыкаться с мыслью, что может появиться что-то *покруче* ядерного оружия.

Попробуем конкретизировать эти генеральные линии, преломить их в свете главных проблем современных международных отношений.

Реалистично прогнозировать дальнейшее постепенное размывание режима ядерного нераспространения. Аналогично – дальнейшее нарастание опасности ядерного терроризма, с вполне реальной вероятностью ядерного террористического акта в той или иной форме.

Нельзя исключать – естественно, в новых формах, опять-таки с поправкой на *сетевой* характер современных международных отношений – возрождение идеологического раскола в мире. Причем отнюдь не по границе христианство–ислам. Скорее, просматривается формирование других полюсов. На одной стороне – коалиция агрессивного неолиберализма, наследников дела Фридмана и Буша-младшего. На другой стороне – коалиция *новых левых* – широкий международный *народный фронт*, объединяющий всех недовольных издержками глобализации – от Уго Чавеса до Наоми Кляйн.

Кстати, для России форматирование мира по такой схеме обернется проблемами. Пока нам удастся позиционировать себя в мире, главным образом на почве антиамериканизма, как защитника *униженных и оскорбленных*. Беда в том, что социальная структура постреформенного российского общества вступает в кардинальное противоречие с этой ролью. Если в стране доходы 10% самых богатых в 15 раз превышают доходы 10% самых бедных (при считающемся *приличным* показателе в 6–8 раз), объединять вокруг себя мировых *бедняков* становится не очень удобно.

Однако все это – к политической картине мира в XXI в. Но эта картина ни в коей мере не исчерпывает многообразия жизни международного сообщества. Которое живет в интерьере природы и представляет собой не единую гомогенную массу, а складывается из миллиардов живых существ. Эти живые существа борются за свое каждодневное существование, за хлеб и кров, любят, рожают или не рожают детей, передают им свои знания и опыт, пытаются познать окружающий мир, включая космос и микромир, и улучшить свое материальное благосостояние. А главное – стремятся к счастью.

Угрозы, связанные с разбалансировкой природной среды обитания человека и с издержками научно-технического прогресса и экономического развития, перестают восприниматься как абстракция. Об изменениях климата и о новых эпидемиях мы рассуждаем уже несколько десятилетий. Но, пожалуй, только сейчас начинаем задумываться, что все это всерьез. Относительно небольшое извержение вулкана с экзотическим названием Эйяфьятлайокудль в Исландии на неделю останавливает воздушное движение над половиной земного шара. А если бы извержение оказалось чуть сильнее? Или эпидемия гриппа H1N1, когда мы вплотную подошли к тому, чтобы перекрыть сообщение с целыми континентами.

Речь, разумеется, не идет о рекламировании каких-то апокалиптических сценариев. Дело в другом. Человечество с населением почти в 7 млрд человек, потребляющее около 4 млрд т нефти и 3 трлн куб. м газа в год и выбрасывающее в атмосферу 31,3 млрд т углекислого газа, к тому же живущее не по своим углам, а массированно перемещающееся взад-вперед по планете, начинает ощутимо разбалансировать природную среду своего обитания. С серьезными, во многом непредсказуемыми, последствиями.

Пойдем дальше.

Революционные изменения развертываются в энергетике. Сильно упрощая, принято считать, что каждой фазе экономического развития человечества соответствует определенный энергоноситель. В XIX в. – уголь. В XX в. – нефть. Сейчас место углеводородов в энергобалансе человечества в возрастающей степени занимают атомная энергия и альтернативные источники. На подходе термоядерная и водородная энергетика – не сегодня, но достаточно близко, скорее всего, уже во второй половине XXI в.

Энергосберегающие технологии из экзотического политкорректного изыска превращаются в мощнейшую, к тому же чрезвычайно прибыльную, отрасль глобальной экономики с годовым оборотом в несколько десятков миллиардов долларов.

Что показательно, даже автомобильный транспорт, после внедрения во втором десятилетии XX в. двигателя внутреннего сгорания обнаруживший удивительный иммунитет к инновациям, наконец, похоже, тоже *сломался*. Уже сегодня по дорогам бегают машины с гибридными двигателями. К 2020 г. ожидается начало массового пришествия электромобиля.

Отдельно и очень долго можно говорить о био- и нанотехнологии, об экономике знаний, о распространении информационных и коммуникационных технологий. О многих из этих вещей Билл Гейтс еще в 1995 г. писал в своей книжке «Дорога в будущее». Сегодня они становятся реальностью.

Возьмем следующий пласт.

Мощнейшее развитие медикаментозных средств воздействия на человеческую психику вплотную подводит нас к рубежу, когда можно будет говорить о программировании поведения людей. Кстати, публикации, выплеснувшиеся в связи с методиками допросов, применявшимися американцами при администрации Буша в контексте глобальной борьбы с терроризмом, дают массу интересного материала для размышлений.

Постепенно расширяющиеся эксперименты со стволовыми клетками, как бы их ни тормозили и ни пытались зарегулировать, неизбежно ведут к созданию потенциала, который в годы нашей молодости, когда это казалось далеким сном, называли *генной инженерией*.

Создание постоянного присутствия человечества в космосе на базе *МКС*, телескоп *Хаббл*, зонды, отправляющиеся за границы нашей Солнечной системы... Налицо реальная возможность контакта с внеземными цивилизациями.

Конечно, от всего этого можно отмахнуться как от дешевой публицистики дурного вкуса. Но это не меняет сути дела. Этот перечень кардинальных прорывов на ключевых направлениях научного знания можно продолжить. Однако, наверное, в этом нет смысла. Хотелось лишь проиллюстрировать, что развитие экономического и научно-технического прогресса в XXI в. приобретает такую динамику и такое качество, что начинают ломаться привычные, сформировавшиеся тысячелетиями матрицы человеческого мышления и поведения и межчеловеческих отношений. Не могут, очевидно, остаться не затронутыми этими глубинными переменами и стереотипы отношений между государствами и собственно система этих отношений.

Вернемся, однако, к нашему вопросу.

ЧТО ЭТИ ИЗМЕНЕНИЯ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЛИЦО ХХІ ВЕКА, ОЗНАЧАЮТ ДЛЯ РОССИИ?

Итак... Нас ожидает сильно беспокойное время. Однако все познается в сравнении. Непокойное и труднопредсказуемое – вне всякого сомнения. Вместе с тем, если только не произойдет капитального сбоя, можно надеяться, что это будет относительно (да простят меня за это слово жители Руанды, Дарфура и Ошской области) мирное время. Во всяком случае, большой войны с участием основных держав, похоже, не ожидается.

Благосостояние людей, скорее всего, будет возрастать – как в среднем и целом по земному шару, так особенно в странах, сумевших оседлать преимущества глобализации. Так, в качестве примера, по подсчетам *Фонда Карнеги*, в 2005 г. в Африке южнее Сахары (самый бедный регион мира) свыше 50% населения потребляло меньше 1,25 долл. в день. В 2050 г., согласно прогнозу, этот показатель составит 8,4 долл. (по паритету покупательной способности). Не чудо, но, несомненно, – улучшение.

Россия входит в XXI в., преодолев тяжелейший кризис становления в качестве самостоятельного и самодостаточного, нормально функционирующего большого и сильного государства, образовавшегося на развалинах Советского Союза. Кроме того, о чем уже говорилось, благодаря удачному сочетанию целого ряда внешних и внутренних факторов, включая фантастически благоприятную конъюнктуру цен на энергоносители, жесткий активизм бывшего нашего руководства и глупости бывшего американского, в последние годы нам удалось существенно укрепить позиционирование страны в мире. Вместе с тем, все наши системные слабости пока в главном и основном остаются при нас.

Их – три. Это, *во-первых*, катастрофическая демографическая ситуация в стране. Мы смогли только несколько приостановить темпы падения численности населения и ухудшения его качественного состава. Но отнюдь не найти рецепты возвращения к росту населения. Согласно одному из прогнозов, во вторую половину XXI в. Россия войдет с населением 109 млн человек. Это меньше не только чем в Бразилии (228 млн чел.), но и в Нигерии (357 млн чел.) и Бангладеш (280 млн чел.), и вполне сопоставимо с прогнозируемым на 2050 г. населением американского штата Калифорния – до 82 млн чел.

Во-вторых, это укоренившаяся и, к сожалению, по сути ставшая самовоспроизводящейся сырьевая модель экономического развития в России. На эту тему очень много было сказано при подготовке *Концепции 2020*.

Здесь позволю себе ремарку. *Концепция 2020*, на мой взгляд, очень серьезный и очень удачный документ, новаторский для России, в своей основе очень честный. Непривычно основательно было организовано обсуждение этого документа. Однако остановимся на одну минуту. *Концепция 2020* отталкивалась от уровня России в мировом ВВП (по паритету покупательной способности) в 3,2% в 2007 г. и ставила задачу достижения к 2020 г. уровня в 4,3%. Ценой существенного напряжения сил. Сейчас, похоже, с поправкой на кризис и этот достаточно скромный показатель к 2020 г. достичь не получится.

Конечно, это не трагедия, и удельный вес страны в мировом ВВП – это далеко не все. Но сам по себе масштаб цифр 3–4% на фоне китайских 15% в том же 2020 г. обескураживает.

Отсюда – отчаянные попытки президентской комиссии по модернизации хотя бы на отдельных выбранных направлениях придать инновационный импульс российской экономике.

В-третьих, наконец, это наша государственная модель, сформировавшаяся в последние 10 лет. Сразу уточним – дело, разумеется, не в коррупции. Хотя эта проблема есть, и она мешает, и очень сильно. Однако главное – в другом.

В 90-е гг. нам не удалось построить эффективно работающую модель демократического государства в традиционном, западном понимании этого определения. Оставим сейчас в стороне споры о том, насколько реальны или, наоборот, фиктивны преимущества этой модели в сравнении с другими и насколько эта модель применима к российским условиям. Зафиксируем лишь – в России в обстановке *лихих девяностых* демократическая модель оказалась порядком дискредитирована. В результате нам пришлось *на ходу* разрабатывать собственную модель с такими конструктивными особенностями, как сильная централизация, четкие государственные вертикали, большой государственный аппарат и ручное управление. Однако создавать – как правило, дело довольно простое. Модель получилась, слава богу, достаточно надежная, но не очень разворотливая и сильно ресурсозатратная. Пройти с такой моделью через XXI в. будет трудно.

Как видим, проблемы серьезные.

Теперь попробуем разобраться, как смотрятся перспективы решения этих проблем на фоне перечисленных выше главных векторов перемен, определяющих XXI в. Сформулируем тезис: как это ни удивительно звучит, но *при грамотном подходе практически каждая из глобальных перемен в принципе может заработать на нас*.

В самом деле. Строго говоря, главные изменения в содержании силы, характерные для XXI в., заключаются в относительном уменьшении значения количественных показателей силы – численности населения и вооруженных сил, объемов производства и накопленного материального богатства. Но это – как раз те показатели, по которым мы испытываем возрастающую слабость. Если мы сумеем приспособиться к этим переменам с их акцентом на поощрение параметров *умной силы*, то достойное, если не лидирующее позиционирование в мире XXI в. нам обеспечено. Вопрос – как этого достичь?

Как представляется, главную проблему нам предстоит отрегулировать в собственной голове. В своем отношении как к организации жизни внутри России, так и к нашему месту и роли в мировых делах нам следует четко осознать себя как *anti-status quo power*, то есть как страна, ассоциирующая себя, свое благополучие и процветание, иными словами – свое будущее, с изменением существующего порядка вещей. Пока еще мы этот фундаментальный выбор не сделали – что отчасти понятно, с учетом всех тех драматических перемен, которые не по своей воле нам пришлось пережить после 1985 г. Пока еще и в нашей политике внутри страны, и в нашей политике на мировой арене мы продолжаем скорее ориентироваться на сохранение существующих форм и структур при их частичной адаптации к новым реалиям, чем на их кардинальный слом и поиск новых организационных решений. В этом – стержневая проблема. При таком отношении к действительности довольно трудно агрессивно встраиваться в происходящие перемены.

Расшифруем. В определенном смысле, естественно, во многом условно, XXI в. будет напоминать век XIX – век балансирования и борьбы множественных центров силы. Понятно, что эти формы будут наполняться новым содержанием. Плюс учетом поправку на нарастающую финансово-экономическую глобализацию и на всепроникающие последствия научно-технического прогресса. Но, тем не менее, со всеми оговорками, XXI в. будет веком центров силы. Успех в этой многополюсной системе сопутствует тому государству, которое сумеет аккумулировать большую силу и заручиться поддержкой со стороны большего числа других государств. Причем это тоже во многом является производным от функции силы. Для наращивания силы требуется уметь убедить свою

страну в том, что это необходимо, а другие страны в том – что рост твоей силы не противоречит их интересам. И вот здесь-то – принципиальная разница между XXI в. и XIX в.

В XIX в. роль фактора убеждения сводилась по существу к своей собственной политической и экономической элите. Сейчас в условиях тотальной глобализации борьба за умы людей охватывает все страны, все социальные и возрастные группы, иными словами, охватывает всех, без исключения. Кто победит в этой борьбе, которая во многом будет разворачиваться на экранах мониторов, на прилавках супермаркетов, в аудиториях университетов, в залах бирж и, конечно, в интернет-пространстве – окажется победителем в борьбе за лидерство в XXI в.

ЕСТЬ ЛИ У РОССИИ ШАНСЫ ПОБЕДИТЬ В ЭТОЙ БОРЬБЕ?

Да, есть, и вполне приличные.

Прежде всего, нам надо четко сформировать в своих собственных головах представление об уникальности российского центра силы, о его предназначении в XXI в. Если мы этого не сделаем, у нас не будет мотивации побеждать в ожесточенной борьбе за влияние, которая характеризует XXI в.

Формировать такое представление надо, отталкиваясь от обновленного видения России – не как великой самодостаточной державы, а как открытого современного государства на стыке континентов, цивилизаций, религий, культур, экономических укладов. Когда зачастую говорят, что мы возрождаем Византию – это не совсем корректно. Византия на протяжении веков удачно играла роль одновременно барьера и моста между Западом и Востоком. Но роль плавильного котла ей не удалась. Почему она и погибла. И мы погибнем, если не разовьем в себе эту способность к синтезу, которая у нас уже есть, но пока ее недостаточно. У нас есть реальные предпосылки, чтобы освоить эту роль цивилизационного синтезатора.

России надо сформировать свое видение мира как целостной системы межгосударственных отношений, причем не абстрактное. Поясню, что имею в виду.

Как Россия представляет себе мир через 10–25–50 лет, к концу XXI в., который бы в максимально возможной степени отвечал нашим интересам?

Очевидно, что это видение будущего мира должно базироваться на реалиях сегодняшнего мира и честно учитывать тенденции мирового развития, насколько их можно прогнозировать и насколько мы их понимаем. Но оно должно обязательно содержать и элемент нашего желания, стремления – мы-то чего хотим? Ведь у нас есть или, во всяком случае, должны быть свои предпочтения... И, соответственно, содержать поправку на наши активные действия, которые мы предпринимаем и будем предпринимать сообразно нашему пониманию мировых процессов и нашему пониманию того, чего мы хотим от них (вот где срабатывает видение!) и, таким образом, влиять на эти процессы. Видение – это ключевой, абсолютно необходимый элемент для формирования долгосрочной стратегии и политики национальной безопасности любого крупного государства, тем более государства, претендующего на роль самостоятельного центра силы.

Отсутствие четко сформулированного видения мира обрекает государство на пассивность и реактивность. Неправильное, искаженное видение мира, ошибочно отражающее тенденции мирового развития, чревато системными ошибками в политике государства, из разряда тех, которые в прошлом неоднократно приводили к краху и даже исчезновению с географической карты мира государств и целых империй.

Скажем честно, на сегодняшний день недостаточная проработанность и, соответственно, недостаточное восприятие на уровне государства и гражданского общества нашего, *российского видения мира* – это, пожалуй, главная слабость России как государства. Именно это, а не катастрофическая демография и не ресурсно-сырьевая ориентированность экономики. Потому что когда у общества есть четкое и привлекательное понимание того, в какой внешней среде оно будет существовать в предстоящие десятилетия, это общество склонно и способно к расширенному самовоспроизводству.

Собственное видение мира – это та первооснова, которая позволяет выстраивать атрибуты, необходимые для формирования полноценного центра силы.

Какие атрибуты?

Прежде всего, как представляется, для любого полноценного центра силы необходим свой уникально-специфический образ жизни, на повседневном, визуальном уровне отделяющий его от других центров силы. Такой образ жизни должен не только цементировать политические и социальные уклады соответствующего государства, но и служить фактором притяжения для других стран.

Все существующие или находящиеся в процессе становления центры силы – американский, европейский, китайский, индийский, российский, может быть, арабский – имеют свой уникальный, отличный от других образ жизни, который они охраняют, воспроизводят и экспортируют.

В советские годы об американском образе жизни как факторе внешней экспансии американского империализма были написаны сотни книг. Однако злоупотребление этой темой не меняет реального положения вещей. Образ жизни – важнейший атрибут центра силы, непереносимое условие для формирования органичного, связанного с общественными настроениями и историческими традициями видения мира.

Такой уникальный российский образ жизни имел место до революции. На начальном этапе существования СССР реальным потенциалом привлекательности для окружающего мира располагал и советский образ жизни. Есть, или, точнее, формируется, свой образ жизни и у нас сейчас. Хотя эти процессы не завершены, и их ни в коем случае нельзя пускать на самотек.

Образ жизни – это очень многое. Он включает и глубинные уклады взаимодействий внутри семьи и между поколениями, отношение на бытовом уровне к таким вечным феноменам человеческой жизни, как смерть, любовь, дружба. Включает внешние проявления, такие как, например, национальная кухня и стиль одежды. При этом очень важно, чтобы образ жизни был не только самодостаточным (чего в возрастающей степени не хватало советскому образу жизни в 60-е, 70-е и, особенно, в 80-е гг.), но и конкурентоспособным. А нам в XXI в. придется иметь дело с конкуренцией со стороны таких мощных моделей, как американский образ жизни, китайский, европейский.

Собственно, уже сейчас конкуренция за влияние на пространстве Средней Азии и Казахстана идет не только в привычных формах – по таким каналам, как капиталовложения, помощь на цели развития, военно-техническое сотрудничество, но и как соревнование альтернативных моделей образа жизни.

Повторимся, соревнование в этой сфере будет предельно жестким, однако у России очень неплохие позиции с учетом традиционно, исторически, на протяжении веков свойственных нашему образу жизни двух особенностей – жесткой инерционности и, одновременно, способности к восприятию внешних влияний.

С образом жизни, имеющим системообразующее значение, связаны такие параметры центра силы, как культура и язык. Здесь у нас сильные конкурентные преимущества. Если что-то не требуется доказывать, так это всемирно-историческое значение и гуманистическую миссию российской культуры, особенно в области литературы и музыки, и колоссальные возможности русского языка как средства межнационального общения. Однако и культура, и язык не воспроизводят себя автоматически и уж тем более не экспортируют сами себя. В 90-е – начале 2000-х гг. мы по-крупному сдали позиции в этой области, прежде всего в том, что касается распространения русского языка как одного из мировых языков. В последнее время несколько подправили ситуацию, но не в той степени, как требуется.

Одними ассигнованиями на создание за рубежом центров российской культуры и российских школ и университетов, хотя это тоже абсолютно необходимо, этой проблемы не решить. Распространение культуры и языка в мире в первую очередь отражает два ключевых фактора: роль соответствующей страны в мировых экономических связях

и позитивный потенциал притяжения, заложенный в ее образе жизни. На пассионарных этапах в развитии международных отношений может добавляться способность того или иного государства ассоциировать себя с одной из господствующих в мире идеологий или религий (это особенно важно, когда эта идеология или религия идет на подъем).

Могучий фактор консолидации российского центра силы – это православие. Правда, для того чтобы этот фактор заработал в полную мощность, сама Русская Православная Церковь должна усвоить новый, более широкий и открытый взгляд на себя. Пока РПЦ остается, прежде всего, церковью православных россиян. Между тем, было бы хорошо, если бы она стала церковью для всех, обращающихся к православию, вне зависимости от их национальной принадлежности, во всем мире. Естественно, ни в коем случае не занимаясь прозелитизмом на канонической территории других православных церквей.

Наконец, особо стоит упомянуть роль Москвы – столицы, *сердца и мозга* российского центра силы. Мощная столица, город-символ, город, воплощающий в себе смысл и цель жизненных исканий огромных масс людей, их представления о богатстве, комфорте, красоте, счастье – это неременный атрибут любого полноценного центра силы. Россия с этой точки зрения позиционирована очень неплохо. Москва – один из важнейших городов мира, не по размерам, а по своей политической, экономической, культурной, цивилизационной, если угодно, роли.

В этом плане Москва, несомненно, пока перебивает Пекин. По совокупности всех параметров она совершенно точно котируется в первой тройке мировых столиц, наряду с Нью-Йорком и Лондоном, и обладает колоссальным ресурсом притяжения, причем не только для постсоветского пространства. За последнее десятилетие притягательный потенциал Москвы вырос в разы. Она становится местом пересечения глобальных коммуникаций, соприкосновения и общения народов, религий, культур, межкультурного синтеза. Пожалуй, впервые за всю историю российского государства Москва действительно утверждается как преемница Рима и Константинополя. Теперь руководству страны осталось научиться грамотно использовать этот огромный ресурс в интересах консолидации российского влияния в мире.

Подчеркнем – для нас принципиально важно, что, несмотря на слабость некоторых наших экономических и социальных показателей, у нас есть целый ряд серьезных конкурентных преимуществ, которые в своей совокупности обеспечивают России реальную перспективу становления в качестве одного из главных центров силы XXI в., *империи будущего*.

В числе этих конкурентных преимуществ и наша географическая протяженность, и расположенность на стыке частей света и континентов, и богатейшие природные ресурсы, и человеческий потенциал, и уникальная по своему богатству и гуманистической заряженности культура, и могучий фундамент исторических традиций, и возможности русского языка, и фактор православия, и притягивающий эффект Москвы. Однако чтобы эти конкурентные преимущества образовали синергию и трансформировались в лидирующее положение России в мире XXI в., для этого требуется, прежде всего, работающее видение места России в этом мире и самого этого мира. Без такого видения конкурентные преимущества остаются лишь статистическими данными.

ИМПЕРИЯ БУДУЩЕГО

Несколько лет назад в политическом лексиконе частенько использовалось определение «вашингтонский консенсус», отражавшее доминирование в тогдашнем мировом политико-интеллектуальном пространстве сформированных в Вашингтоне неолиберальных, в духе Чикагской школы, подходов к организации государственной и международной жизни. Потом получило хождение понятие «пекинский консенсус». Хотя это понятийное заимствование транслировало не столько реальную роль генерируемых в Китае идей, сколько саму динамику стремительного возвышения Китая в мировой политике и экономике.

Так вот, нам надо сформировать и утвердить в мире «московский консенсус». Предпосылки для этого есть, и если мы это сделаем, мы сможем во многом нейтрализовать негативное влияние наших известных системных слабостей и стимулировать их преодоление.

Российский правящий класс должен получить соответствующую мотивацию, чтобы мечта (пока, скорее, именно мечта) о позиционировании России в качестве одного из лидеров XXI в. превратилась в тенденцию. Спрявленной мотивации, ориентированной лишь на патриотические ценности, с одной стороны, и потребительские – с другой, на любовь к Родине и стремление к материальному благополучию, для формирования центра силы, притягательного для других стран и народов, не хватает. Российская элита должна захотеть, причем на уровне *подкорки и живота*, чтобы Россия стала одним из лидеров XXI в., должна прочувствовать, что вне этого, вне этой цели, ее *олигархическое* счастье будет неполным.

Сложится такое убеждение – сформируется и уникально российское видение мира, а на его основе – и «московский консенсус», который мы предложим этому миру. И россиянки станут больше рожать, и в Россию, несмотря на трудности нашей жизни, которые останутся при нас, скорее всего, еще многие десятилетия (достаточно одного нашего климата!), начнут приезжать не только от голода и нищеты, но и ради приобщения к феномену российского бытия (как со всего мира продолжают приезжать в Израиль). И деньги не напряжно, не по указу сверху пойдут в инновации, и молодежь пойдет учиться не только на менеджеров, банкиров и юристов, но и на ученых, инженеров и врачей, и постепенно начнет выравниваться дикое социальное неравенство, и произойдут очень многие другие хорошие вещи.

Нам надо перестать бояться XXI в. К сожалению, за последние годы мы крепко убедили самих себя, что XXI в. несет нам одни угрозы – от нашествия исламистов до деградации климата. Между тем, если перестанем комплексовать, в XXI в. нам должно житься значительно комфортнее, чем в XX с характерной для него мощной мобилизационной парадигмой и жесткой самодисциплиной, в рамках которых россиянин, с характерными анархичностью и склонностью к рефлексии, начинает паниковать.

Ведь XXI в. – это век многонациональных, многокультурных и многорелигиозных социальных организмов. А это наше.

Это век сильных регионов. И это наше.

Это век государственно-частных партнерств в различных формах. Это тоже, как оказывается, исторически наше.

Это век с мощным зарядом на поиски новых немарксистских формул социальной справедливости. И это опять-таки наше, с учетом нашего драматического опыта.

Пожалуй, остановимся, чтобы не впасть в розовощекий детский оптимизм.

Конечно, век, в который мы живем, жесткий и жестокий. Да, конечно, нам будет очень непросто. Но есть все основания надеяться, что он будет лучше, милосерднее и комфортнее века предыдущего. И что он станет для нас успешнее, чем XX в. – причем не только с точки зрения качества жизни наших людей, но и как страны. Надо только понять, чего мы все-таки хотим от этого века.

Нынешний век – это век перемен. Перемены требуют к себе осознанного отношения. Это отношение может быть разным. Лютер, Ленин и Ганди тоже ведь относились к переменам каждый по-своему. И нам не обязательно заранее ангажироваться раз и навсегда на следование какой-то одной модели. Важно другое: чтобы наше уникально-российское отношение к тем переменам, которые будут наполнять XXI в., в максимально возможной степени отвечало интонации этих перемен. 🗨️